

КЕЛЬДА УХОДИТ

— Тс-с, смотри, сейчас она начнёт таять...

Кельда услышала позади себя шёпот и обернулась.

Мальчик по имени Томас перегнулся через весь стол, чтобы поднести как можно ближе к её спине горящую спичку. Фамке, его соседка по парте, заморозенно смотрела на огонь, прикрыв рот ладонью.

— Ты что делаешь, Томас? — Кельда окинула одноклассника холодным взглядом и задула колыхавшееся пламя.

— Испугалась, Кельда? — засмеялся Томас. — Ты же ледышка!

Кельда сдвинула свои чёрные брови.

— А ты балбес, — ответила она и отвернулась.

В классе появился учитель, и день пошёл своим чередом.

Да, непросто ходить в обычную школу обычного северного городка, если ты сделана из льда.

Кельда внешне почти не отличалась от любой своей одноклассницы, разве что совершенно белыми волосами и очень бледной кожей. Но она на самом деле была особенной. В её венах тёк растаявший апрельский снег, поэтому она всегда была такой холодной, что мальчишки спорили на лакричные конфеты, кто дольше сможет продержать её за руку. Как две льдинки были глаза Кельды, и ни одна слеза за всю жизнь не скатилась по её щеке. Она могла улыбаться, но смеяться не умела.

Дома Кельда пожаловалась на Томаса маме.

Мама ласково потрепала её по холодному плечу.

— Как неприятно. А что хорошего случилось с тобой сегодня, дочка?

— Ничего, — отрезала Кельда и кинула школьную сумку на тумбу, вместо того чтобы поставить, как обычно. Из-за этого чёрная кошка Лагуна даже подпрыгнула на своей подушке.

— Присядь, я расскажу тебе историю.

— Я уже слышала эту историю, — вздохнула Кельда.

— А ты послушай ещё, на сей раз так внимательно, чтобы и твоё сердце тоже услышало, а не только уши, — сказала госпожа Лаусгартт.

Кельда села на подлокотник кресла, и Лагуна тут же вскарабкалась ей на колени.

— Когда-то давно мы с мужем очень хотели иметь детей. Я думала об этом и день и ночь, но ничего не получалось, — начала свой рассказ мама. — Как грустила я тогда, как тосковала!.. Затем Фридрих ушёл в море, как он делал всегда. Но той весной он не вернулся.

Я отчаялась, ничего не ела и просто потихоньку угасала. Тогда моя мама повела меня к шаманке Тилли, что живёт в Гранёной скале. Она поколдовала надо мной и дала съесть гранатовое зёрнышко. После этого впервые я уснула спокойно. И мне приснилось, как будто на каменный утёс у моря упала с неба звезда. И зовёт меня по имени, плачет.

Сон повторялся до тех пор, пока я не отправилась на берег и не нашла точно такой же утёс. А на нём в маленькой расщелине лежало... сердце! Я обомлела, когда увидела его, ведь оно было прозрачным и холодным, точно изо льда. Но при этом билось! Живое ледяное сердце трепетало у меня в руках.

Апрель в тот год выдался холодный, так что я собрала снег и слепила себе девочку. Из сосулек сделала ей волосы. Льдинками выложила глаза. Угольком нарисовала бровки. А в грудь вложила ледяное сердце, которое нашла. И девочка ожила! Моя милая Кельда, ты ожила! Нахмурилась, прямо как сейчас, и закричала ровно так, как это делают все младенцы!

Я забрала тебя домой и с тех пор радуюсь каждый день. Никогда не печалься из-за того, что

говорят глупые дети, ведь они просто не знают, какое ты чудо.

— Чудо-юдо, — вздохнула Кельда и пошла делать математику.

Поздно вечером, когда мама уже поцеловала Кельду перед сном и подоткнула одеяло, чтобы ей уютней спалось, за окном вдруг послышались подозрительные звуки. Кельда скинула с себя сон, словно лоскутный плед. Тихо подкралась к стене и, завернувшись в штору, выглянула наружу.

Увиденное огорчило её: во дворе перед домом пылал и потрескивал костёр! Не кто иной, как противный мальчик Томас, испортивший ей настроение утром, прямо сейчас подкидывал в пламя веточки. Двое его друзей, Ян и Генри, стояли по обе стороны от огня, освещавшего их довольные лица.

Томас нагнулся и поискал что-то на земле, потом выпрямился и сделал выпад вперёд. В стекло, в которое тайно смотрела на улицу Кельда, что-то тихонько стукнуло.

«Всё ясно, они хотят, чтобы я выглянула из окна, — поняла Кельда, — и чтобы мама ничего не узнала». Девочка неодобрительно покачала головой и снова взглянула на одноклассников.

Разумеется, Кельда не растаяла бы от огня — огонь причинял ей боль точно так же, как и всем, когда оказывался слишком близко. Возможно, ей было лишь чуть-чуть больнее. Но каждую весну у местных мальчишек что-то происходило в голове, как будто неведомая сила приказывала им провести ритуал: выяснить, растает ли Кельда в этом году. Как унижительно! Ведь весь городок знал её с пелёнок, и никогда, ни разу Кельда не сделала ничего предосудительного! Всегда была вежлива и давала списать.

В окно прилетел ещё один камешек, поувесистее. Когда и на это не последовало никакой реакции, Кельда услышала надрывный полушёпот Томаса: «Ке-э-эльда! Ке-э-э-эльда!»

— Так, хватит! — сказала себе девочка и преисполнилась решимости.

Всё это слишком затянулось, так больше нельзя. Если какая-то шаманка заварила эту кашу, значит, она же сможет с ней и разобраться, пусть посмотрит Кельде в глаза и, в конце концов, скажет, что делать дальше.

Невыносимо быть ледяной и такой одинокой.

С этими мыслями Кельда побросала немного вещей в свою школьную сумку. Как ответственная

девочка, написала маме записку о том, что волноваться ей, маме, совершенно не о чем — у дочери просто возникли кое-какие дела, и, скорее всего, она вернётся к завтраку, на который неплохо бы подать сырники с изюмом. Накинув пальто, она выскользнула из дома прямо в домашних тапочках.

По крайней мере, одно преимущество у Кельды было не отнять — она никогда не мёрзла. Так что и к шаманке Тилли она отправилась налегке. Впрочем, сперва предстояло разобраться с тремя недотёпами...

БОЛЬШОЕ БЕЛОЕ ПРИВИДЕНИЕ

— Это же надо так крепко спать! — возмутился Томас. — Я ради этого костра еле сбежал сегодня из дома.

Ян поднял с земли самый настоящий булыжник и замахнулся.

— Ты спятил? — Генри ухватил его за запястье. — Если разобьёшь окно, госпожа Лаусгартт завтра придёт к нашим родителям и будет рассказывать свои дурацкие сказки про дружбу, как в прошлом году!

— Но если мы её не добудимся, то я, получается, зря тащился сюда в темноте и порвал пижаму? — Ян в запале спора начал повышать голос.

— Тс-с-с! — зашипел Томас и возбуждённо замахал ладонью. — Слышите?

Ребята замолчали. И действительно, в темноте, скрывавшей кусты, слышались какие-то шорохи.